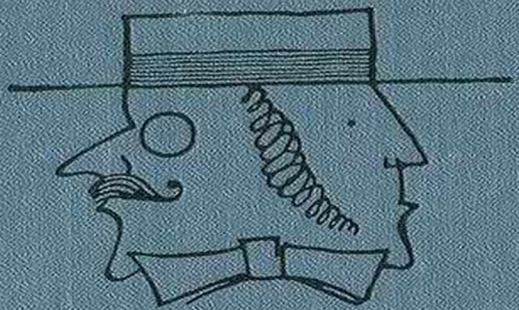
БРЕТ ГАРТ



Дедлоуское наследство [Зимородки]

Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
ДЕДЛОУСКОЕ НАСЛЕДСТВО [Зимородки]
I
II
III
IV
V

Аннотация

Брат и сестра готовы променять гордое затворничество на блеск и признание высшего света, а с ними всю грязь и пороки, такие как пьянство, игра, лицемерие и интриги за спиной. Не лучше ли оставаться собой, отвергая дурные примеры?

Брет Гарт

ДЕДЛОУСКОЕ НАСЛЕДСТВО[1] [Зимородки]

[1] Примечания: 1

«ДЕДЛОУСКОЕ НАСЛЕДСТВО» («The Heritage of Dedlow Marsh»). Напечатано в одноименном сборнике 1890 г. («The Heritage of Dedlow Marsh and other Stories»).

I

Простившись с Дедлоуским болотом, солнце уходило за горизонт. Волны отлива устремились вслед, словно силясь догнать багряную полосу на западе, а на оставленной ими с каждым мгновением все гуще черневшей авансцене блеснули вдруг два — три озерца, полуозаренные, полузаполненные водой, брошенные, позабытые. Резкое дыхание Тихого океана колебало их гладь и порою раздувало в ней тусклый пламень, как в гаснущих угольях. Кулики поднялись белой стаей с одной из ближних лагун, вытянутым взвихренным овалом пронеслись на фоне заката и пролились в море черным дождем. Долгая извилистая полоса протоки — угасающая вместе со светом и убывающая с отливом — стала вдруг испускать серокрылых птиц, словно дымки или внезапные испарения. Высоко в темнеющем небе пролетели к нагорью выстроенные клином гуси и черные казарки. Сгущающиеся сумерки были заполнены трепетом невидимых унылых крыл, отдаленными воплями и жалобами. А когда Болото совсем почернело, редкие султаны болотных трав и кочки на ровной низине при-

няли фантастически преувеличенные размеры и две человеческие фигуры, вдруг поднявшиеся в рост над краем невидимой протоки, показались сущими исполинами.

Уже после того, как они пришвартовали свое невидимое суденышко, некоторое время казалось, что они нерешительно и бесцельно бродят возле того места, где причалили. Потом стало видно, что они продвигаются в глубь берега, но медленно и странным зигзагом, которого отдаленному зрителю было никак не понять. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что казавшееся ровным огромное темное пространство было иссечено во всех направлениях крохотными протоками и чернильно-черными заводями, которые делали путь трудным и опасным. Когда двое подошли поближе и фигуры их приобрели более реальные очертания, обнаружилось, что у обоих ружья и что впереди идет юная девушка, хоть и одетая почти по-мужски, так что ее нелегко было по виду отличить от ее спутника; на ней был матросский бушлат и зюйдвестка, короткая юбка лишь до половины закрывала высокие резиновые рыбацкие сапоги. Когда, выбравшись на более твердую почву, юноша и девушка обернулись, чтобы поглядеть на

закат, стало видно и то, что они необыкновенно схожи. Волосы у обоих были черные, жесткие, в крутых завитках. У обоих были темные глаза и густые брови. У обоих ярко-румяные щеки, сейчас разгоревшиеся от ветра и морской прогулки. Но еще более, чем эта схожесть в цвете щек, волос, глаз, поражало одинаковое выражение лиц и одинаковая осанка. В обоих была живописно выраженная сила, оба держались независимо, с непринужденной дерзостью.

Юноша двинулся дальше. Девушка задержалась на миг, глядя в море и прикрыв от света глаза загорелой ручкой — предосторожность излишняя: у нее были густые брови и длинные ресницы.

— Пошли, Мэг. Чего ты там ждешь? — нетерпеливо сказал юноша.

— Ничего не жду. Гляжу на лодку из Форта. — Она смотрела на шлюпку в самом устье протоки, которой никогда не приметил бы менее зоркий глаз. — Славная у них будет охота; лодка застряла в песке, а вода ушла с отливом.

— Не жалей солдат, — зло отозвался ее спутник. — Они сами о себе позаботятся. А случится беда — дядя Сэм прибежит на выручку. Будь спокойна, Мэг, уж так положено, что народ — ты да

я — должен платить за их дурость. Для того их сюда и прислали. Так что радуйся, — добавил он с горечью и насмешкой.

— Их готовят для суши, а к воде они не приучены, — ответила юная девушка, словно желая соблюсти справедливость.

— Тогда пусть не ездят на охоту, пусть берегут казенный порох для индейцев, а про уток забудут.

— Верно, — задумчиво сказала девушка. — Хотела бы я знать, полковничьи дочки тоже покупают свои платья на казенный счет, когда франтят в Логпорте? В воскресенье они вырядились, словно циркачки.

— Уж будь спокойна, старый полковник наживается на контрактах. Мы оплачиваем все его расходы, — добавил он сумрачно.

— Значит, выходит, что их платья — мои, — сказала девушка с коротким гневным смешком. — Так или нет? А если я напрямик скажу им про это, когда они снова выйдут пофрантить? Что они ответят мне, а, Джим?

Как видно, ее спутник был не подготовлен к подобным, по — женски стремительным вопросам и пресек их решительно, на мужской манер:

— Поменьше думай о том, во что наряжаются

девушки из Форта, и быстрее шагай. Уже поздно.

— Проклятые сапоги натерли мне ноги, — сказала девушка, ковыляя за ним. — Пока я шла вброд, вода набралась за голенища и теперь плещется, как в маслобойке.

— Держись за меня, крошка, — сказал он, обняв ее за талию и склоняя ее головку к своему плечу. — Вот так!

Помощь была предложена по — братски, чуть небрежно, но тотчас восстановила их родственное согласие.

Так они брели некоторое время в молчании; девушка, по всегдашнему обычаю слабого пола, охотно принимала сентиментальную и ласковую помощь брата. Они огибали сейчас Болото, идя параллельно быстро гаснущей линии горизонта, по тропе, приметной лишь их острому юному взору. Тьма сгущалась, не стало слышно морских птиц, плач запоздалого зуйка замер где-то вдали; молчание смерти воцарилось над черным саваном Болота. Отлив окончился со светом дня. В этот мертвый час между отливом и приливом даже неугомонный морской ветер стихал вместе со всей природой и ждал теперь за отмелью позволения явиться вновь — со звездами сумрака и водами океана.

Вдруг девушка остановилась и придержала своего спутника. Дальний негромкий зов трубы нарушил тишину; если только можно назвать зовом два-три трепещущих звука, рожденные, казалось, самой тишиной и поглощенные ею вновь. То была вечерняя зоря, сигнал «тушить огни», долетевший из Форта в двух милях от них, скрытого сейчас во тьме.

Лицо молодой девушки просияло; она внимала игре рожка, чуть приоткрыв свой маленький ротик.

— Знаешь, Джим, — сказала она доверительно, — я положила на слова этот сигнал. Он такой красивый. Слушай, как я пою: «Ночь и тень — Гонят день — Он уйдет — Пропадет — Вдаль уйдет — Вдаль уйдет — Вдаль уйдет — Словно пе-е-есня!»

Она громко запела таким чарующим сильным мальчишеским контральто и так точно вторя напеву трубы, что ее брат, как это случается и с более искушенными меломанами, на миг поддался иллюзии, что ее слова имеют какой-то смысл. Тем не менее по долгу старшего он подавил эту непростительную слабость.

— А я так пою: «Полно врать — Время спать!» — сказал он сурово. — Если ты будешь стоять

на месте, мы останемся без ужина. Желтый Боб давно ушел с дичью вперед.

Девушка взглянула на сгорбленную под тяжестью ноши фигуру, маячившую впереди, потом вдруг выпрямилась и обратила внимательный взор в сторону Болота.

— Что, опять солдаты? — нетерпеливо спросил брат.

— Нет, — быстро возразила девушка. — Но я ничего не понимаю. Бьюсь об заклад, что Желтый Боб шел позади. Когда играли «тушить огни», я его видела вой там.

С недоумением она указала пальцем через плечо назад.

— Когда ты сочиняешь песни, Мэг, в голове у тебя немножко путается. Желтый Боб идет впереди; и пора бы тебе уже знать, что индеец всегда окажется там, где ты меньше всего его ждешь. А вот и «кусты». Пошли!

«Кусты» на самом деле были чахлым ивняком и ольшаником, который здесь словно ушел в землю; но чем Далее от берега, тем деревья становились выше, образуя под конец лесную чащу. С главной протоки «кусты» казались зеленым выступом или мысом, обращенным острием к Болоту. Безошибочно находя верный путь сквозь

переплетение кустарника, брат и сестра выбрались снова к равнине, казавшейся бескрайней, как сам залив. Могучее дыхание океана, который лежал за отмелью и устьем реки, было соленым и влажным, словно брызги прилива. Видимая часть водного пространства отражала последний отблеск вечерней зари и освещала открывшийся пейзаж. А навстречу путникам, закрывая от них горизонт, сумрачно и пугающе вставали причудливые очертания их дома.

На первый взгляд могло показаться, что перед вами огромная полуразрушенная колоннада, ушедшая основанием в землю и несущая один лишь антаблемент и карнизы в виде вытянутого параллелограмма. Но, приглядевшись, вы различали одноэтажное здание, вознесенное над Дедлоуским болотом на множестве врытых через правильные промежутки свай; некоторые из свай перекосились или вовсе потонули, что и служило поводом для первого обманчивого впечатления. В просветы между свай, где свободно гулял ветер, а в особенно сильный прилив — и морская волна, можно было разглядеть пустынную болотную гладь, бухту, прибой за отмелью и далее — красную полосу на горизонте. Прямо с Болота, по лестнице, вы взбирались на ограж-

денную перилами платформу или галерею, тоже на сваях, шедшую вокруг всего дома; с галереи открывался вход в комнаты и другие внутренние помещения.

Но если внешность этого земноводного, свайного обиталища не была лишена некоторого грубого тяжеловесного величия, то окрестность его, через которую брат и сестра сейчас пролагали себе путь, должна была показаться каждому еще более фантастической и небывалой. На пространстве шести или более акров были собраны и даже сложены в определенном порядке обломки морских крушений и иной плавучий мусор, вынесенный волнами прилива за годы и годы. Почернелые стволы вырванных с корнем деревьев, трудно отличимые от доподлинных корабельных обломков, были надежно прикованы к столбам и кольям, врытым в болотную землю, а закрепленные пеньковыми канатами горы поломанных, разлезающихся на части бамбуковых корзин, в каких возят апельсины, блестели, словно груды выбеленных костей в долине смерти. Мачты, реи, инкрустированные раковинами днища шлюпок, нактоузы, и даже цельная кормовая палуба какой-то каботажной шхуны закончили свои странствия и нашли последний покой на этом

гигантском морском кладбище. Надпись на рулевой рубке, доска корабельной обшивки с именем судна служили здесь эпитафией погибшим. Их оплакивали пассатные ветры, над ними стенали морские птицы, и раз в году море посещало своих мертвецов и орошало их слезами.

И дом и окрестность были овеяны преданием и тайной. Шесть лет назад Бун Кульпеппер построил этот дом и привез сюда свою жену; о ней болтали, что она цыганка, или мексиканка, или светлая мулатка, или индианка из племени диггеров, или таитянская принцесса из Южных морей, или просто чья-то выкраденная чужая жена; на самом деле то была миниатюрная креолочка из Нью-Орлеана, брак с которой вместе с другими неосмотрительными поступками и карточными долгами был печальным итогом той зимы, что Кульпеппер прогулял, бежавши из родительского дома в Виргинии. Через два года после приезда она умерла — от вечной сырости, как полагали одни, или же, как считали другие, из-за мизантропических чудачеств супруга, и оставила шестнадцатилетнего сына и двенадцатилетнюю дочь ему в утешение. Однако даже из самого краткого перечня странностей мистера Кульпеппера будет видно, что его нелегко было

утешить. Странности эти проистекали из его чрезвычайной мизантропии, сопряженной с манией величия Приехавши в Логпорт, он откупил у правительства часть никудышного Дедлоуского болота, уплатив менее доллара за акр, и потом год за годом расширял это странное имение, пока не стал наконец суверенным владетелем трех лиг земноводного царства. К тому времени выяснилось, что он прихватил и все побережье, изобилующее удобнейшими местами для лесопилок, для коммерческих гаваней в бухте и естественными пристанями для окрестных поселков, промышлявших заготовкой леса.

Бун Кульпеппер отказался продать свою землю. Бун Кульпеппер не сдал ее ни внаем, ни в аренду. Бун Кульпеппер преградил все пути своим соседям, а заодно прогрессу и усовершенствованиям, которые он глубоко презирал; лишь изредка, на королевский манер, он разрешал временное пользование своей собственностью, с правом прогнать пришельца, когда ему заблагорассудится, и взимал за то денежные сборы, которые совокупно с дичью, настрелянной в болоте, полностью обеспечивали его домашние нужды. Под конец правительство, которое само сделало его всевластным, нашло необходимым изъять за

справедливую цену часть его собственности для постройки Редвудского форта и прилегающего городка Логпорта. Бун Кульпеппер не препятствовал действиям правительства, но он не взял предложенных ему денег и не отступился от своих прав на землю. В нечастых разговорах с соседями он называл городок своим и показывал его детям, как часть их будущего наследства; поднятый над Фортом звездный флаг с детских лет был в их юных глазах оскорбительным вызовом их семье. Ненавидимый всеми, колдун для одних, безумец, по мнению других, широко известный округе под именем Дедлоуского Зимородка, Бун Кульпеппер был найден раз поутру мертвым в своем челноке с полным зарядом дроби в пробитом черепе. Дробовик, лежавший на дне челнока, у самых его ног, свидетельствовал о несчастном случае; так и признал следственный суд, но не признал народ. Иные считали, что он убит, другие — что он покончил с собой, но все сошлись на одном: «Туда ему и дорога!» Столь непреоборимым было это чувство, что мало кто прибыл на погребальную церемонию, которая состоялась во время прилива. Из-за опоздания священника отлив был упущен, скромный катафалк — собственный ялик покойного — застрял в

болоте; сопровождавшие покинули его; остались лишь сын и дочь. Никто никогда не узнал, что внушал своим детям покойный словом и личным примером, пока оставался жив; никто не узнал и того, что пережили они в ту ночь вдвоем у гроба отца в черном болоте; достоверно лишь одно, что все, кто ждал перемен в управлении Дедлоуским болотом, жестоко просчитались. Старый Зимородок был мертв, но он оставил в гнезде двух юных птенцов, красивых и грациозных, однако не уступавших ему ни в силе клюва, ни в ярости крыл.

II

Подойдя к дому, молодые люди поднялись по деревянной лестнице, до странности походившей на корабельный трап, и попали на галерею — или «палубу», как она у них называлась, — где на перилах были развешаны буйки, поплавки и сети, усугублявшие сходство дома с кораблем. Эта сторона дома была, как видно, отведена под кухню, столовую и другие хозяйственные помещения; в глубине была главная комната, гостиная или холл, к которой примыкали две спальни, выходившие на противоположную сторону дома. Эта гостиная с пересекающимися тяжелыми бимсами на потолке была вместительна, отстроена, как и весь дом, с корабельной добротностью и могла бы легко сойти за кают — компанию. Огромная, размерами с добрый камин железная печь без дверцы, установленная меж окон, пылала вовсю, освещала и согревала комнату и бросала трепещущий отблеск на обшитые досками стены, увешанные трофеями лесной и морской охоты и сверкающим оружием. Охотничьи ружья всех систем, от долгоствольного дробовика на вертлюге, который берут, охотясь с лодки, до легкой

одностволки, называемой также карабином, стояли в козлах у самой стены; над ними висели на крюках ягдташи, револьверы в кобуре, ножи на зверя и на рыбу, каждый в особых ножнах. В одном углу стоял гарпун, в другом две или три индейские остроги на семгу. Деревянный пол, грубо сбитые стулья и лари были устланы мехом бобра, норки, выдры и ценного котика; лосиные и медвежьи шкуры выделялись своими размерами. Украшением в комнате служили распластанные и прибитые гвоздями по стенам крылья и грудки шилохвостки и кряквы, бекаса, большого баклана, чайки, глупыша и женственно-нежное полутраурное одеяние зуйка и буревестника. Море, впрочем, главенствовало над всем; даже сквозь заволокший сейчас потолок пряно пахучий дым от горевшего плавника прорывалось его крепко просоленное дыхание.

Индианка цвета вяленой семги, с глазами, как бусины; ее дочь с такими же бусинами — глазами и с лицом, точно вылепленным из одной широкой улыбки; Желтый Боб, индеец — диггер, получивший свое прозвище из-за охряной татуировки на скулах; и Уошо, бывший вождь индейского племени, — укутанная в одеяло неописуемая личность, больше всего походившая на дешевую

грязную куклу с худо прилаженными к деревянной голове вычерненными волосами, — таков был домашний штат Кульпепперов. Пока индианки собирали ужин в столовой, Желтый Боб, разгруженный от дичи, вдруг появился на галерее и подал через окно своему хозяину какой-то таинственный знак. Джемс Кульпеппер вышел, тотчас вернулся, помедлил с минуту, поглядывая на сестру, которая, как была в куртке и лишь сдвинув зюйдвестку на затылок, сидела перед огнем на стуле спиной к нему; потом потихоньку вынул ружье из козел и, кинув небрежно, что скоро вернется, исчез.

Оставшись одна, Мэгги сняла сапоги, стянула чулки и с наслаждением вытянула к огню прехорошенькие ножки, нежно — белые, но сейчас, после длительного купания в согретой морской воде, как бы слегка подсиненные. Белизна ее ног забавно контрастировала с синей шерстяной юбкой и с загорелыми руками, и девушка, заглядевшись, просидела несколько минут, подобрав юбку, упершись локтями в колени и с видимым удовольствием шевеля пальцами ног. Огонь освещал ее румяные щеки; локоны, черные как смоль, почти соприкасались с густыми бровями, оставляя открытой лишь узкую белую

полоску на лбу; чуть приподнятая верхняя губа и маленький подбородок, округлый, но волевой, завершали пикантный и удивительный облик юной девушки. Густые коричневые тени на потолке и закопченных стенах, птичьи перья, внезапно выхватываемые пламенем из тьмы, подобные неким геральдическим изображениям, и переблеск стальных стволов — таков был фантастический фон этого чарующего портрета. Сидя сейчас перед огнем и раздумывая о чем-то запомнившемся ей из путешествия по Болоту, она запела полюбившуюся ей мелодию трубы, сперва потихоньку, а потом полным голосом.

Вдруг она смолкла.

Сомнения не было, кто-то тихо стучался в заднюю дверь. Стук был отчетливым, но осторожным, словно предназначался для нее одной. С минуту она помешкала, выпрямившись во весь рост, стоя босыми, сияющими белизной ногами на выдровой шкуре, заменявшей ковер. В комнате были две двери: одна, через которую ушел ее брат, выходила на лестницу, другая, глядевшая в сторону нагорья, вела на заднюю галерею. Не колеблясь ни секунды, она схватила ружье и бросилась к задней двери; но раньше чем она добежала, послышался скрип перил на галерее,

дверь слегка приоткрылась, и показалась рука в голубом рукаве форменной армейской шинели. Девушка навалилась на дверь всем телом, не впуская незваного гостя.

— Каплю виски, мисс, ради господа бога!

Она отпустила дверь, взвела курок и сделала шаг назад. За синим рукавом последовала вся шинель, а за ней и синее кепи с пехотной кокардой и с буквой «Г» на козырьке. Шинель и кепи сильнее бросались в глаза, чем сам солдат, перемазанный, почти черный от болотного ила. Но заляпанная физиономия, сколько можно было разобрать сквозь маску грязи, скорее смешила, чем пугала. В ней соседствовали слабость и дерзость, робость и нахальство. Маленькие голубые глаза не были злыми, и даже вторгшаяся рука дрожала скорей от бессилия, чем от ярости.

— Одну только капельку, мисс, — повторил он жалобно, — и, если уж будет на то ваша милость, поскорее. Не то я подохну от холода.

Она всматривалась в него, не опуская ружья.

— Откуда ты?

— Если уж говорить всю правду, мисс, — сказал он громким шепотом, — я дезертир.

— Так это ты шел за нами по Болоту?

— Я спасался от сержанта, мисс.

Взгляд ее чуть смягчился.

— Выйди вон! Шаг в комнату — и я пристрелю тебя на месте!

Он отступил на галерею. Захлопнув дверь, она заперла ее на засов, потом, не выпуская ружья из рук, подошла к буфету, налила стакан виски, вернулась, отперла дверь и протянула ему стакан.

Она глядела, как он с жадностью пил; увидела, как алкоголь вселил силу в его иззябшее тело и дрожащие руки, зажег огонь в потускневшем взоре; и не спеша она снова взяла его на мушку.

— Да опустите вы ружье, мисс, опустите его! Что толку в ружье? Клянусь, ваши глазки стреляют сильнее!

Если вы не опустите глаз, бог свидетель, я простою здесь всю ночь напролет, пока не придет сержант и не арестует меня. Да поглядите вы на нее, люди добрые! Чистый Янус, богиня войны! И стоит, словно статуя, ишь, как выставила мраморную ножку.

Уверенная в себе, скромная и гордая, она не испытывала и тени смущения от того, что стояла с голыми ногами перед этим мужланом и попрошайкой; стояла спокойно, словно королева или богиня войны, с которой он только что сравнил ее. Ни взгляд его, ни комплименты не достигали

цели. И злосчастный бродяга вынужден был признать себя побитым; природная дерзость его отступила перед благоговейным чувством; он поднес перемазанную руку к кепи, отдал девушке честь и остался стоять навытяжку.

— Так вот, значит, за кем охотились солдаты? — задумчиво спросила она, опуская ружье.

— Так точно, мисс, искали меня, а я лежал ничком в канаве, отпечатывал в грязи свою личность — это вам и сейчас, я думаю, видно, — а сержант с патрулем знай рыщет вокруг. Вот тогда и пробрал меня смертный холод, и я понял, что без виски совсем пропаду.

— А почему ты решил дезертировать?

— Послушайте ее, добрые люди! Почему я решил дезертировать?! Да если бы пришлось воевать с врагом, я дрался бы в первых рядах! Но эти письма от моей старой матушки, мисс!.. Старушка смертельно больна, она в графстве Клер, в Ирландии, пошли ей господь долгую жизнь! А уж сестры мои на Девятой авеню в Нью-Йорке, они выплакали себе глаза, раздумывая, каково мне здесь в Четвертом пехотном… в дикой пустыне, среди язычников. Если бы я был в кавалерийском полку — мой отец был драгуном, мисс! — я бы и горюшка не видел. Ноги в стремена — и скакал

бы сейчас на параде, мисс, а не скитался бы по болоту, изнывая от холода, голода и жажды, весь в грязи и в иле, не стоял бы таким перед юной леди, которой нужно бы родиться дочерью фельдмаршала — помолчу лучше о дочках полковника Престона, которые не годятся ей и в служанки.

Выросшая на границе испанских поселений, Мэгги Кульпеппер, наверно, была одной из немногих американских девушек, не встречавшихся в своей жизни с ирландцем. Вспыхнувшая на мгновение улыбка, редкая гостья на капризных губах, казалось, подтверждала хвалы незнакомца. Но улыбка так же быстро ушла, и девушка сухо сказала:

— Значит, ты хочешь выпить, поесть и переодеться. А что, если вернется мой брат и захватит тебя здесь?

— Верное слово, мисс, он ищет меня сейчас у лагуны с двумя язычниками — индейцами. Тот желтый индеец и почуял меня, когда я валялся в канаве. Но только ваши светлые глазки, мисс, — пусть сияют они тысячу лет! — усмотрели, как я прокрался за ним и сбил его с толку.

С минуту девушка, раздумывая, молчала.

— Мы не дружим с Фортом, — сказала она наконец, — но это не повод, чтобы мой брат стал

нянчиться с тобой. Обожди меня здесь. Если я запою, значит, он вернулся; тогда беги с тем, что получил, и радуйся, что остался цел.

Она захлопнула дверь, заперла ее, прошла в столовую, вернулась с завернутой в бумагу едой, сняла со стены оплетённую флягу, потом пошла в спальню брата, взяла там фланелевую рубашку, рабочий комбинезон и грубошерстное индейское одеяло и, открыв снова дверь, положила все это перед изумленным и восхищенным бродягой. Глаза у него заблестели, и он уже завел было: «Слава господу богу!» — но на сей раз дар шутовства изменил ему. Победившее искреннее чувство выразилось в молчании более красноречивом, чем его слова. Торопливо вытер он рубахой перемазанное лицо и глаза и, ухватив грязными пальцами рукав ее куртки, поднес его к губам.

— Иди! — властно сказала она. — Уходи, или будет поздно.

— Хоть режьте меня!.. Языка лишился! — пробормотал он, исчезая за перилами.

Она постояла еще немного, держа дверь полуотворенной и глядя во тьму, казалось, лившуюся в комнату, как волны прилива. Потом закрыла дверь и направилась к себе в спальню, чтобы заняться туалетом. Когда она появилась вновь, то

была в чулочках и туфельках; вместо саржевой юбки она надела яркое ситцевое платье, а на шею повязала кружевную косынку. Она расправилась со своими непокорными локонами, соорудив над самым лбом подобие норманнской арки, в которой отдельные завитки выполняли роль контрфорсов. Когда, немного погодя, вошел ее брат, она не подняла взора и продолжала глядеть в огонь, хоть это и было чуточку странным.

— Боб решил, что солдаты в лодке охотятся на людей, ищут дезертиров, — сказал Джим с досадой. — Хотел уверить меня, что один из них прячется в Болоте. Обычные индейские выдумки. Решил, наверное, что заработает лишний стакан огненной воды, если погоняет меня, как дурака, по зарослям.

— Ах, вот где ты был! — сказала Мэгги, не отрываясь от огня. — С каких это пор ты стал дружить с правительством и с полковником Престоном, охотиться с ними заодно и спасать их имущество?

— Я не хочу, чтобы бродяги, которых они набрали в армию, скитались по нашему Болоту, Мэг, — решительно возразил Джим.

— А что бы ты сделал, если бы нашел его? — спросила Мэг, устремив взгляд на брата.

— Угостил бы зарядом бекасинника, чтобы долго помнил меня и благодарил бога, что я не стреляю картечью. — Заметив, что сестра отнеслась к его словам с чрезмерной серьезностью, Джим добавил: — А что ты думаешь? В военное время солдаты пристрелили бы его на месте.

— Пусть так, но тебе незачем в этом участвовать.

— Почему? Он все равно, что беглый преступник. Кто поручится, что он не промышляет убийством и грабежом?

— На него не похоже, — сказала Мэг, не подумавши.

— На *кого* не похоже?! — быстро переспросил брат, глядя на нее в упор.

— Не похоже на человека, — сказала Мэгги, с женским проворством заглаживая свою опрометчивость, — который мог бы преспокойно столкнуть нас в воду в темноте и отобрать у нас ружья и не сделал этого.

— Попробовал бы только! — заявил ее брат, усмехнувшись высокомерно и заливаясь гневным румянцем. — За кого ты меня принимаешь?!

Мэгги увидела, что взяла неверный тон, и впервые в жизни решила скрыть от брата свою тайну

— до утра.

— Как бы ужин не остыл, — сказала она, поднимаясь.

Они перешли в столовую, скудно обставленную, как и гостиная, но хранившую в ловко пригнанной деревянной обшивке, в настенных полках и шкафах все то же родство дома с кораблем, и уселись за небольшой стол, где был приготовлен им скромный ужин. Джим сел напротив сестры, но вдруг положил нож и вилку и уставился на нее.

— Послушай!..

— Что такое? — спросила Мэгги, слегка вздрагивая. — Ты всегда меня пугаешь…

— Почему ты вырядилась?

— Просто волосы у меня растрепались под зюйдвесткой, — сказала Мэгги, краснея, — и мне пришлось причесаться. Зюйдвестка не женский убор.

— А косынка, а платье? А все эти штучки — оборочки? — продолжал Джим, быстрым движением указательных пальцев суммируя свои наблюдения. — Уж не ждешь ли ты в гости судью Мартина или почтового курьера?

Судья Мартин, юрист из Логпорта, который ввел их в право наследства, до сих пор не пришел в себя от восторга после первого и единственного

свидания с прекрасной дочерью Зимородка. А юный курьер привез однажды адресованную Мэгги посылку, но оставил взамен свое сердце и с тех пор, как считалось в округе, не ведал ни сна, ни покоя.

Это была уже поднадоевшая шутка Джима, которая не раз помогала им коротать длинные зимние вечера и счастливо сочетала в себе веселость с элементами морального воспитания. Мэгги обычно откликалась смешком и старалась в ответ ущипнуть брата, но сегодня осталась холодна.

— Джим, милый, — сказала она, когда, завершив свою спартанскую трапезу, они снова уселись в гостиной перед огнем. — Сколько давала тебе лесопильная компания за тот участок возле Трясины Мертвеца?

Джим вынул трубку изо рта, сказал:

— Десять тысяч долларов, — и затянулся вновь.

— А сколько стоит все наше имение, не считая дома и береговых топей?

— Вместе с тем, что должно нам правительство? Ты ведь знаешь, что все это наше? — быстро спросил Джим.

— Нет, только то, что у нас теперь, — сказала

Мэгги.

— Примерно сто семьдесят пять тысяч долларов, так я считаю.

— Это куча денег, Джим! Старый полковник Престол не накопит столько и за сто лет, — сказала Мэгги, грея коленки у огня.

— И за пять миллионов лет, — безапелляционно подтвердил Джим. Помолчав, он добавил: — Кто бы ни хвалился своим богатством, Мэг, мы всегда ответим, что у нас на пятьдесят тысяч больше.

Несколько минут они сидели молча: Мэгги поглаживала себе коленки, а трубка Джима, словно разжиревшая на богатстве своего владельца, похрапывала апоплексически.

— Милый Джим, а что, если б мы — это просто фантазия моя, ты понимаешь, — если бы мы продали Компании один участок, а на эти деньги удивили бы весь Логпорт! Подразнили бы их, взяли бы лучшие номера в новой гостинице, купили кабриолет, разоделись бы в пух и прах и заставили этих людишек из Форта раз навсегда понять, кто они и кто мы. Ты понимаешь, конечно, Джим, чего я хочу! — торопливо продолжала она, в то время как брат ее, заразившийся, как видно, апоплексией от собственной трубки, глядел на нее,

словно сраженный параличом. — Показать, что мы все можем, все, стоит нам захотеть. Господи! Да когда мы вдоволь пофорсим, поистратим все денежки, мы просто щелкнем пальцами под самым их носом и укатим назад, словно нас там и не было. Ты ведь не думаешь, Джим, — сказала она, вдруг оборачиваясь к нему почти яростно, — что я предлагаю остаться жить с ними — хоть одну минуту!

Джим отложил трубку и воззрился на сестру испытующим холодным взглядом.

— И чего же ты думаешь этим достичь? — спросил он, презрительно отчеканивая слова.

— Да просто показать им, что у нас хватит денег, чтобы купить их с потрохами, — ответила Мэгги, не сдавая своих позиций, но чувствуя, что противник обходит ее с флангов и уже нацелил ответный удар.

— Ты думаешь, они без тебя не знают этого? — спросил он все с той же насмешкой.

— Не знают! — сказала Мэгги. — Или ты забыл новую учительницу из Логпорта, которая хотела рисовать тебя в лодке, Джим, чтобы ты изображал контрабандиста, или пирата, или итальянского рыбака, говорила, что ты хорош собой, и обещала платить за каждый сеанс? Уж наверное, она не

знает, что ее школа стоит на твоей земле. Нет! Многие не знают. Одни считают, что мы бедняки, беднее их, а другие…

— Что же считают другие? — грозно спросил Джим.

— Что мы с тобой скряги.

Джим залился злым румянцем.

— Так, значит, — сказал он, метнув на сестру быстрый взгляд, — ради какого-то сброда, чтобы покрасоваться перед всякой дрянью, ты будешь якшаться со всеми, кто звал твою мать испанской негритянкой и канакой, а твоего отца — пиратом и захватчиком чужой земли, кто болтал, будто он был убит или покончил с собой, кто называл тебя язычницей и сумасшедшей потому, что ты не ходишь в церковь и не пошла в школу с их ублюдками, кто отказался помочь нашей больной маме, словно у нее была оспа, и не пришел хоронить отца, словно он был конокрад, кто покинул нас ночью в Болоте сторожить отцовский гроб до самого прилива. А ты! Разве в ту ночь в лодке мы не соединили с тобой руки над телом отца, когда он лежал там хладный, отверженный людьми, словно сдохший пес, вынесенный волнами прилива, и не поклялись, что, сколько ни пробегут волны туда и назад, никогда они не сблизят нас с этими

людьми? И что же я слышу? Ты хочешь пойти к ним сама, связать с ними нашу судьбу, жить их проклятой идиотской жизнью… ты хочешь…

— Замолчи! Это ложь! Я и не думала! Как ты смеешь! — сказала девушка, вставая на ноги и, в свою очередь, устремляя на брата горящий взор.

С минуту они простояли, как бы глядясь в зеркало — так похоже гнев одного в каждой черточке, вспышке румянца, игре светотени отразился в лице другого. Каждый увидел в другом свою собственную пылкую и своевольную душу, и оба были напуганы. Это случалось уже не раз и кончалось всегда одинаково. Юноша первым опустил взгляд. Глаза девушки наполнились слезами.

— Хорошо, ты не думала этого. Тогда что же ты хотела сказать? — спросил Джим, откидываясь на спинку стула с извиняющимся видом.

— Я… хотела… отомстить им! — сказала, всхлипывая, Мэгги.

— Ах, вот что?! — смягчился Джим, как бы тронутый благородным замыслом сестры. — Но я не вижу, в чем тут будет месть.

— Не видишь? И что же? — сказала Мэгги, по обыкновению всех женщин на свете делая вид, что не она вовсе была виной случившейся размолвки. — Но как ты мог подумать про ме-

ня… — (речь заглушается рыданиями).

— Я и не думал, Мэг… — (в голосе нежные нотки).

Завершив спор этим сомнительным путем, Мэгги позволила Джиму обнять себя, и некоторое время оба чистили друг другу клювиками взъерошенные перышки и приглаживали вздыбленные хохолки, словно и впрямь были не людьми, а — как то гласила молва — двумя великолепными пернатыми существами из породы зимородков. По прошествии получаса Джим поднялся и сказал небрежно, слегка позевывая:

— А где же книга?

Речь шла о Библии. Молодые люди взяли себе за правило ежевечерне читать вслух главу из Библии; то была смутно осознанная ими дань религии и литературе. Когда книга нашлась, Мэгги, играя на ласковом и покаянном настроении брата, предложила выбрать для чтения «что-нибудь поинтересней». Но Джим отверг ее нечестивую вольность. В виде компромисса он предложил «кинуть жребий», иными словами, раскрыть Библию наугад.

Так он и сделал. Приступая к чтению, Джим обычно проглядывал библейский текст, чтобы решить, годится ли он для юной девушки. Сегодня

он пренебрег этой разумной предосторожностью и стал читать своим приятным голосом:

— «Прокляните Мероз, говорит ангел господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь господу, на помощь господу с храбрыми.

— Ты нарочно это выбрал, — сказала Мэгги.

— Само вышло. Провалиться мне на этом месте!

— Хорошо. Читай дальше, — сказала Мэгги, подтолкнув брата в бок и заглядывая ему через плечо.

И Джим прочитал вдохновенную песнь Деворы об Иаили и Сисаре вплоть до горького конца ее, выраженного с библейской краткостью и силой.

— Вот, — сказал он, закрывая книгу, — какова настоящая месть. Это — святое писание, а не какие-нибудь финтифлюшки.

— Все так, милый Джим, но разве ты не заметил, что она сперва приветила его, угостила молоком и маслом, в общем, обласкала? — возразила Мэгги самым серьезным тоном.

Но Джим не принял эту женскую точку зрения и вообще не захотел пускаться в дальнейшие споры; а потому, поцеловав друг друга на ночь, они отправились спать. Джим чуть помешкал,

проверяя засовы на дверях и на окнах, а Мэгги постояла у окна, устремив взгляд на галерею и далее в сторону Болота.

В небе светила луна, начался новый прилив. Если и сохранились где следы чужого человека, вода их смыла начисто. Переменился и облик Болота. Черного мыса как не бывало. Ровная береговая линия была вся изгрызена зубами из сверкающего серебра. Огромное темное тело Болота засветилось тонкими жилками, по которым в него, должно быть, вливалась новая жизнь. А воды залива, отделявшие их от Форта, словно вторглись на сушу и сейчас в лунном свете казались белой рукой, протянутой к самому гнезду Зимородков.

III

Труба в Редвудском форте сыграла подъем, но потребовались еще пятиминутные уговоры денщика, чтобы поднять с койки лейтенанта Джорджа Кальверта. Голова у лейтенанта раскалывалась, язык не ворочался, губы пересохли, глаза не глядели на белый свет; прошлая ночь путалась с наступившим утром; карты и бутылки наползали на безупречную фигуру ординарца, стоявшего в дверях с бумагами и приказами в руке.

Лейтенант Кальверт участвовал этой ночью в очередной дружеской попойке с собратьями — офицерами, известной в их среде под названием «холостяцкой закуски» и «бурной переправы»; от одной лишь мысли, что это не первая подобная пирушка и, конечно, не последняя, его сейчас мутило. Он преисполнился было презрения к себе, но тут же, по обычаю всех гуляк, стал клясть судьбу, которая забросила его после выпуска в этот захолустный форт на границе, где нет другого спасения от скуки, как виски и пьяный разгул. Он уже так низко пал, что завидовал тем из сверстников и старших офицеров, которые

могли выпить больше него. «Если бы я мог пить, как Кэрби или Крауниншилд! Если бы в этой дыре была хоть что-нибудь, чем себя занять!» — раздумывал он в отчаянии после каждой попойки и с нетерпением ждал новой, чтобы снова явиться по долгу младшего по чину и вновь испытать свои силы в дружеском соревновании. Юнкером в Вест-Пойнте он мечтал отличиться в обществе на иной манер, но мечты его пошли прахом. Да и где тут общество, если не считать семейства полковника Престона и еще двух офицерских жен! Всегдашнее недоброжелательство и недоверие к военным, с которыми федеральным властям постоянно приходится считаться в поселениях на границе, здесь еще усугублялись твердостью, с которой командование пресекало зверское обращение местных жителей с индейцами. Жители Логпорта не водились с гарнизоном. Напрасно полковой оркестр наигрывал им по субботам, они не желали плясать под эту музыку.

Как бы там ни было, лейтенант Кальверт свершал свой туалет хотя и не твердыми руками, но с вошедшей в привычку педантичностью и аккуратностью. Повинуясь автоматически действующему духу воинской дисциплины, он подавил свои чувства, как только застегнул по-

следнюю пуговицу на мундире, взял себя в руки, когда затянул ремень на еще тонкой по — юнкерски талии, и в конце концов добился того трудно определимого сочетания подтянутости и лихости, которое у иных из его сослуживцев, увы, столь легко переходило в провинциальную развязность. Окунув голову в ледяную воду, он пригладил свои светлые волосы щеткой, с воинским

тщанием расчесал их на пробор, и, после того, как надел кепи и с продуманным щегольством слегка надвинул козырек на глаза, одна только бледность лица, при которой его маленькие белокурые усики казались сейчас темнее щек, выдавала его ночное времяпрепровождение. Недоуменно поглядев на бумаги, лежавшие на столе, он уже рассеянно потянулся было за саблей, когда денщик прервал его мысли.

— По приказанию майора Бромли, поскольку вы нездоровы, сэр, дежурить будет сегодня лейтенант Кэрби. А вам, — добавил денщик, почтительно указывая на конверт, — приказано явиться к полковнику для особого поручения.

Тронутый заботливостью своего начальника майора Бромли, непременного участника всех ночных пирушек, Кальверт изучил приказ и, воз-

державшись на сей раз от проклятий, которыми полагалось встречать каждое особое поручение, сказал: «Спасибо, Парке!» — и вышел на веранду.

Учебный плац, залитый солнцем, пустынный, чистый, как подметенный пол, свежевыбеленные стены и галереи стоящих за плацем казарм, белые и зеленые офицерские коттеджи по сторонам, сверкающий штык часового — все это в первую минуту резало глаз. И, однако же, по некоей странной игре судьбы никогда еще дух и суть избранной им профессии не представали перед лейтенантом столь красноречиво, как в этой утренней сцене. Уединенность, дисциплина, чистота и порядок, уравновешенность, атмосфера здоровья, строгая воздержанность монастырской жизни, но без ее мистического самоуглубления — не об этом ли всем он мечтал? И вот, словно сам себе назло, он ищет дурацких развлечений, после которых просыпается наутро с издерганными нервами и с ноющей болью в глазах.

Через час лейтенант Кальверт дослушивал последние инструкции полковника Престона. Согласно полученному приказу, ему надлежало выступить с небольшим подразделением, разыскать и доставить в Форт нескольких дезертиров, и в первую очередь Денниса Мак-Кафри, рядового

роты «Г», повинного, помимо дезертирства, еще в мятежном подстрекательстве. Кальверт стоял перед своим начальником, и этот заслуженный офицер, природный ораторский талант которого значительно усовершенствовался за долгие годы заздравных тостов во славу и процветание армии, слегка выпятив грудь, внушал ему отеческим тоном:

— Отлично знаю, мистер Кальверт, что молодые офицеры не жалуют поручений такого рода, считают их чем-то вроде полицейской службы, но я хочу напомнить вам, что в армии все важно и все почетно и любое, даже малейшее, поручение начальника требует от каждого уважающего себя офицера напряжения всех сил и неусыпной заботы о подчиненных. Чтобы справиться с этим делом, хватило бы сержанта со взводом солдат, но мне нужен человек, хорошо воспитанный, осторожный, с чувством такта, джентльмен, способный пробудить почтение у всякого, с кем столкнет его долг службы. Достойные сожаления предрассудки, препятствующие местному населению разумно относиться к мероприятиям военных властей, как вы сами понимаете, могут осложнить вашу задачу, но я надеюсь, что вам удастся, не роняя достоинства офицера и пред-

ставленной в вашем лице центральной власти, избежать в то же время излишне суровых мер, которые могли бы лишь разжечь имеющееся чувство недоброжелательства и вовлечь нас в конфликт с гражданскими лицами. Во врученном вам письменном приказе точно обозначено, где кончаются их права и начинаются наши, но вы скорее заслужите их доверие, если скажете, что единственное наше желание — содействовать им в интересах общего блага; вы, конечно, понимаете, что я хочу этим сказать. В случае, если вам не удастся изловить дезертиров, ваш долг выяснить, не был ли их побег следствием подстрекательства и молчаливого потворства со стороны местных жителей. Быть может, они не знают, что подстрекательство военнослужащих к побегу есть уголовно наказуемое деяние; если обстоятельства потребуют, вы можете предупредить их об этом. В заключение хочу напомнить вам, что воды залива и низменный берег в тот час, когда он залит водой, целиком и полностью принадлежат нам, так что, действуя в этих границах, вы ответственны только лишь перед старшим по службе. До свидания, мистер Кальверт. Желаю успеха!

Растроганный наставлениями полковника Престона, которые, несмотря на цветистость

его речи, действительно шли от души, Кальверт почти что позабыл о своих личных огорчениях. Но, покинув веранду начальника, он тотчас столкнулся с несколькими офицерами, уже поджидавшими его.

— Счастливо, Кальверт, — сказал майор Бромли, — денек — другой на травке тебе не повредят; интендантское виски надо пить с оглядкой. Кстати, если разыщешь в Вестпорте что-нибудь сортом повыше, отведай и дай нам знать. Следи за здоровьем, Кальверт. Потолкуй со своими людьми, они тебя кой — чему научат, в особенности Донован. С Рамона не спускай глаз. Капрал — надежный парень, можешь на него положиться.

— Счастливо, Джордж, — сказал Кэрби, — надеюсь, старик не забыл тебе сказать, что на военной службе все важно и все почетно и что такое ответственное, щекотливое поручение он в жизни не решился бы доверить никому, кроме тебя. Он всегда говорит это, когда навалит на человека какую-нибудь чертовщину. А не забыл он напомнить тебе, что, пока ты сидишь в шлюпке или в восьмивесельной гичке и не можешь построить людей и развернуть их в боевой порядок, до тех пор ты непобедим?

— Что-то в этом роде он говорил, — улыбнулся

в ответ Кальверт, смущенно припоминая, что как раз эти рассуждения полковника произвели на него особенно сильное впечатление.

— И не вздумай сомневаться, — с важностью добавил Кэрби, — что ты выполняешь прямой долг пехотного офицера.

— И помни, Джордж, — добавил Роллинс еще более торжественным тоном, — что бы ни приключилось с тобой, ты офицер хоть и не очень многочисленной, зато бесконечно пестрой Американской армии. Помни, что в грозный час ты можешь обратиться к солдатам на любом языке, на каком тебе вздумается, и они поймут твою команду. И помни, что когда ты ведешь их в бой, не только твоя родная страна, но, за малым вычетом, и все прочие не сводят с вас глаз. Прощай, Джордж! Майор упомянул тут насчет напитков. Говорят, что Зимородок Кульпеппер, этот старый пират, завез перед смертью в свою нору на Болоте целую партию отличнейшего робертсоновского виски. Жаль, мы не ладим с птенчиками; они не пьют и могут распродать его в любой момент. Нисколько не удивлюсь, если твой приятель Мак-Кафри торчит где-нибудь в тех местах; он чует виски за милю. Послушай меня, конфискуй весь склад; скажешь: за укрывательство дезер-

тиров. Девчонка всегда была недурна, а сейчас, наверное, совсем взрослая.

Сержант, подошедший доложить, что люди готовы, спас своего начальника от дальнейших веселых насмешек. Кальверт обнажил саблю и с не прояснившейся еще головой и покаянной душой, но твердо печатая шаг, повел своих солдат выполнять вверенное ему щекотливое поручение.

К четырем часам дня он был в Джонсвилле. Руководясь элементарным здравым смыслом, лейтенант не захотел переправляться морем в битком набитой шлюпке (это значило бы известить о предпринятой экспедиции всех заинтересованных лиц на взморье и на Болоте), а повел людей кружным путем, по лесной дороге. Переправившись через отделявшую его от Дедлоуского болота реку на общественном пароме, он подошел к поселку незамеченным и тотчас оседлал обе дороги, ведшие из Джонсвилла к нагорью. После недавнего визита сержанта — так рассуждал лейтенант Кальверт — спрятавшиеся дезертиры могли вернуться в поселок, рассчитывая, что второй раз он так скоро сюда не придет. Оставив часть своей крохотной армии патрулировать дороги, а другую рассыпав цепью

в долине, он отправился в поселок. С помощью незатейливой дипломатии, а также и личных чар, которыми он весьма искусно пользовался, лейтенант выяснил, что если даже жители и знают кое-что о дезертирах, в поселке их сейчас нет. Заново поделив свой отряд и забрав с собой капрала и нескольких солдат, он решил лично обследовать нижнюю часть Болота.

Занятость порученным делом, прогулка по лесу, а вернее всего, живительное действие насыщенного солью и йодистыми испарениями морского воздуха прояснили голову лейтенанта и словно укрепили его физически. Он впервые попал в Дедлоуское болото и сейчас от души наслаждался невиданной красотой береговых топей. Наступал тот час дня, когда птицы ведут себя шумнее всего; утки и чирки тучами летели от пресных речных вод к соленым озерцам на Болоте, и трепещущие тени их безостановочно пересекали тропу, по которой шагал лейтенант. Порою казалось: то зыбкая почва Болота поднялась к небу и поспешает прочь на темных крылах. Внезапные всплески сообщали о скрытых вблизи бочагах и топях; вот из-под самых ног лейтенанта взметнулся вверх сверкающий на солнце лебедь. Неумолчный крик и щебет царили вокруг. В этом

птичьем гомоне он не сразу расслышал окликавшего его правофлангового.

Находка была немаловажной. В кустарнике, спускавшемся узкой грядою до самой трясины, солдаты нашли заляпанную грязью форменную одежду дезертира, вплоть до кепи с литерой роты на козырьке.

— Скажи, Шмидт, есть здесь поблизости дом или еще какое жилище? — спросил Кальверт.

— Фот именно так, лейтенант, — отвечал капрал. — Том симородка, старого Кульпеппера. Пьюсь оп саклад на толлар, что парень где-то стесь.

Сквозь переплетение кустарника он указал на длинное низкое строение, белое сейчас на солнце, стоявшее на черных сваях. Наметанным глазом разведчика Кальверт увидел, что единственный вход в дом — по лестнице с Болота. Приказав солдатам укрыться в кустах и там ждать его, он быстро пересек открытое пространство и поднялся по ступеням. Пройдя по галерее, он постучался в дверь. Никакого ответа. Он постучал еще раз. Ближнее окно с маху растворилось? и навстречу ему высунулось двуствольное дробовое ружье. Машинально пробежав взглядом по стволу, он увидел в окне на редкость красивую девушку:

глаза ее сверкали, щеки горели, маленький рот был крепко сжат. Упомянем, отдавая дань воинской выдержке лейтенанта, что глаза девушки произвели на него большее впечатление, чем направленные ему в грудь два сверкающих ствола.

— Ни с места! Понятно? — грозно сказала девушка.

На лице Кальверта не выразилось ни страха, ни удивления. Вытянувшись, как на параде, он поднес руку в белой перчатке к козырьку и негромко сказал:

— Рад служить!

— Ах, вот как! — живо откликнулась девушка. — Еще одно движение, и я отправлю вас вместе с перчатками вниз, в болото.

— Надеюсь, вы этого не сделаете, — улыбаясь, сказал Кальверт.

— А почему?

— Потому что это лишит меня удовольствия побеседовать с вами. Кроме того, я не захватил второй пары перчаток.

Он не сводил взгляда с очаровательных глаз девушки, глядел почтительно, восхищенно, но в то же время с воинским расчетом; он понимал, что действительно стоит ему сейчас шевельнуться, и она всадит в него разом два заряда.

— Где остальные? — так же резко спросила она.

— В трехстах ярдах отсюда, в укрытии. Вам не будет от них беспокойства.

— Они придут сюда?

— Полагаю, что нет.

— Полагаете? — повторила она презрительно. — Почему же вы полагаете?

— Потому что им приказано оставаться на месте.

Она чуть опустила дробовик, но ее черные брови целили ему в лоб.

— Думаю, вы не сильнее меня, — сказала она, оглянув не без некоторого пренебрежения его хрупкую фигуру, и отперла дверь.

С минуту они стояли, озирая друг друга. Он увидел красивое личико и очаровавшие его глаза; девушка была высока и тонка в талии; распахнутая матросская куртка делала ее широкой в плечах; под курткой на ней была перетянутая поясом красная фланелевая рубаха навыпуск и синяя юбка; воротник, стянутый черным матросским платком, полузакрывал прелестную, хоть и тронутую загаром шею. Она увидела невысокого молодого человека в скромной походной форме без галунов (если не считать наплечной золотой

тесемки, указывающей его чин), но необычайно опрятного, даже щеголеватого. Коротко подстриженные светлые волосы, крохотные светлые усики, ясные внимательные синие глаза и веснушки на лице довершали его портрет, произведший на нее в целом неважное впечатление. Тем более ее раздражала уверенность и непринужденность, с которой незнакомец демонстрировал свои очевидные недостатки. Отставив ружье, глубоко засунув руки в карманы куртки и слегка расправив плечи, она отрывисто спросила:

— Зачем вы пришли?

— За пустячными сведениями, которые, я думаю, вас не затруднят. Мои люди только что нашли в кустах мундир и кепи дезертира, бежавшего из Форта. Не скажете ли вы, как они туда попали?

— А кто вам дал право рыскать по нашей земле? — спросила она, резко поворачиваясь к нему и слегка бледнея.

— Никто.

— Так зачем вы пришли?

— Чтобы просить у вас права на это, если вы не дадите нам нужных сведений.

— Почему вы пришли ко мне, а не к брату? Боитесь его?

— Едва ли он сумел бы встретить меня более воинственно, чем вы, — возразил, улыбаясь, Кальверт. — Имею ли я честь беседовать с мисс Кульпеппер?

— Я сестра Джима Кульпеппера.

— Значит, вы тоже имеете право согласиться на мою просьбу или ответить отказом.

— А что если я отвечу отказом?

— Что ж, я попрошу прощения за беспокойство, уеду и вернусь с приливом. Тогда, надеюсь, вы уже не будете целиться в меня из окна, — добавил он весело.

Мэгги Кульпеппер слышала об этой теории, по которой вода принадлежала федеральному правительству. Она отвернулась от собеседника, отчасти чтобы выразить тем пренебрежение к нему, отчасти чтобы избежать настойчивого взгляда маленьких доброжелательных, уверенных в себе ясных глаз.

— Ничего не знаю ни о ваших дезертирах, ни об их лохмотьях, приплывших невесть откуда, — сказала она в сердцах. — И знать не желаю. Делайте, что хотите.

— Будь моя воля, мисс Кульпеппер, я побыл бы еще в вашем обществе, но, увы, служебный долг…

— Что такое? — надменно прервала она его.

— Я действительно наскучил вам, — сказал он, усмехаясь, — но порученное мне дело…

— Какое еще дело? Искать подыхающих с голоду бродяг?

— И находить милых друзей, так я полагай), — возразил он со степенным поклоном.

— Вы полагаете?! Послушайте, молодой человек, — сказала она со своим быстрым яростным смешком. — Не слишком ли много вы полагаете?

«Вы с вашими веснушками, рыжими волосами и маленькими глазками», — хотела она добавить, но промолчала, потому что ей пришлось бы снова встретиться с ним взглядом, а ей не хотелось этого.

Кальверт отступил, все еще улыбаясь, поднес руку к козырьку и зашагал прочь, сперва по галерее, потом вниз по лестнице и дальше по направлению к кустарнику. Став у окна так, чтобы ее не было видно, она смотрела, как он, невысокий и складный, пошел самым прямым путем, не глядя ни вправо, ни влево и даже не подумав хоть раз обернуться, чтобы поглядеть на дом, который только что покинул. Потом она увидела, как солнце заиграло на поясных бляхах и ружейных стволах, как светло — голубая полоса

выползла из темно — зеленых зарослей, обогнула их и пропала. И вдруг она ужаснулась тому, что наделала. Собственными руками она загубила свой план, заветный план, из-за которого вчера поссорилась с братом, а сегодня ночью, лежа без Сна, все же решила осуществить, несмотря ни на что. Значит, так она намерена покорить, взять в полон Логпорт и крепость! Что с ней стряслось такое? Что же она, дурочка, что ли? Но кто мог думать, что за бродягой — дезертиром сюда заявится этот нахальный франтик? На минуту оба они, несчастный беглец и воинственный франтик, показались девушке одинаково мерзкими. Итак, с ее великой мечтой, с завоеванием, с победой все кончено! Он, разумеется, счел ее дурочкой! Вместо того, чтобы позвать его в дом, превзойти в светскости, наговорить невесть чего о дезертире, сбить с толку, запутать, а потом в Логпорте сразить наповал блеском, богатством и роскошью туалетов, она прогнала его прочь!

И теперь он расскажет дамам из Форта, что чуть живой вырвался из хищных когтей дочки Зимородка!

От этой мысли горькие слезы набежали ей на глаза, но она отерла их. Со слезами явилась пугающая мысль, что Джим был прав, когда сказал,

что между ними и теми, кто предал их родителей, не может быть ничего, кроме открытой вражды, и ее нынешний безотчетный поступок лишь подтверждает его правоту. Но она отвергла эту мысль, как и давешние слезы.

Прошло полчаса, и Мэг увидела из окна разбросанные синие точки, которые, как ей казалось, двигались по диагонали, направляясь с нагорья к Болоту. Она не знала тогда, что это был второй патруль Кальверта, шедший с ним на соединение, но поняла, что лейтенант еще здесь, и эта мысль странным образом доставила ей облегчение. Немного погодя ее разволновал тревожный крик лысухи, цапли и болотных курочек, жаловавшихся на вторжение чужаков в их уединенное обиталище, и она, покраснев и чувствуя непривычную робость, прокралась на галерею и, стараясь остаться незамеченной, оглядела Болото. От того, что ей открылось, она застыла на месте.

Справа и слева вспархивали птицы и летели прочь в гневе и смятении, а за ними не спеша шествовал небольшой отряд в синих мундирах, направляясь к заросли, где недавно исчез молодой офицер. В центре отряда, под охраной двух солдат с примкнутыми штыками, шел человек,

которого она легко признала даже на расстоянии: то был вчерашний дезертир, одетый в платье, которым она его снабдила. Что смутило ее еще сильнее, — справа от солдат шагал тот самый молодой офицер, а рядом, дружески с ним болтая, шел не кто иной, как ее собственный брат Джим!

В мгновение ока, не помня себя и не сознавая, что делает, она сбежала с лестницы и вихрем помчалась к кустам. Она достигла зарослей, когда отряд был еще в двадцати шагах. Но тут ее снова охватили сомнение и робость, она спряталась в кустарнике, и невольный призыв, обращенный к брату, застыл у нее на губах. Вот они приближаются, вот шагают мимо; ее брат идет плечом к плечу с непрошеным гостем; они заняты разговором; она давно уже не видела брата таким оживленным; вот их уже нет. Ее заметил лишь один человек! Блуждающий взгляд дезертира разыскал в листве ее красивое лицо; оборотившись, он чуть подмигнул ей и в этом исполненном признательности, еле заметном движении излил свою душу.

Когда они ушли, Мэг прокралась назад, немного успокоившись, но все еще охваченная внутренней дрожью. Когда с наступлением темноты вернулся ее брат, он застал ее, как и прошлым

вечером, задумчиво сидящей у огня.

— Ты видела, наверное, меня, когда я проходил с солдатами? — сказал он несколько смущенным тоном, усаживаясь рядом и глядя на нее с наигранной развязностью.

Не подымая глаз, она выразила легкое удивление. Проходил с солдатами? Куда же они шли?

— Часа два тому назад я встретил лейтенанта Кальверта, — сказал он с возрастающим смущением, — и… знаешь, Мэг, он уверял, что виделся с тобой… сказал, что ему было жаль тебя снова тревожить… Ты говорила с ним, не так ли?

Не отводя глаз от огня и словно вобрав в румянец на щеках весь его жар, Мэгги сказала равнодушно, что действительно к ней заходил какой-то слизняк в мундире и о чем-то ее спрашивал.

— Ты знаешь, он ничуть не задается, — сказал Джим. — И мне это в нем понравилось. Держится просто, взял меня под руку, мы так и шли вместе, посмеивается, словно приехал уток стрелять, а не с отрядом в сорок человек. Он мне ровесник, Мэг, на год или два старше, и вообще…

Тут он смешался и с опаской поглядел на сестру.

— Значит, ты решил на попятный?! — прого-

ворила вдруг Мэгги на самых презрительных и низких нотах своего контральто.

— Кто это решил на попятный? — вспыхивая, возразил он.

— А разве ты не отступаешь от того, что говорил вчера? Хочешь подольститься к Форту?

— Ах вот как! Тогда слушай! — вскипел Джим, вскакивая в праведном гневе. — Будь я проклят, если не выложу все начистоту, хоть и обещал ему молчать. Он сказал, что ты испугаешься.

— Испугаюсь?! — вскричала Мэгги презрительно, но при том бледнея. — Чего же я испугаюсь?

— Так слушай, раз уж пристала ко мне. Нас обворовали!

— Обворовали? — повторила Мэгги, глядя брату прямо в лицо.

— Да, нас обворовал дезертир! Стащил мою одежду и флягу с виски. Его во всем моем и поймали, мерзавца. Если бы не Кальверт, если б я не попался ему на пути и не дал позволения обшарить болото, тот так и ушел бы.

— Нас обворовали? — еще раз спросила Мэгги, словно задумавшись.

— Конечно, обворовали. Вчера вечером, когда нас не было дома. Он залез, пока мы шли по болоту.

— Это что же… лейтенант тебе сказал? — запинаясь, спросила Мэгги.

— Ну да, он так считает, и я тоже, — нетерпеливо подтвердил Джим. — Я же сказал, он был во всем моем и даже не подумал отпираться. И если бы ты слушала внимательно вместо того, чтобы браниться, то поняла бы сразу, что мы на этом с лейтенантом и сошлись. Ведь я не дезертиров позволил ему искать, а воров. И не бежавшего солдата помог ему ловить, а обокравшего меня мерзавца. Как только лейтенант нашел в кустах его мундир, то сразу понял, что тот каким-нибудь манером да раздобыл себе гражданскую одежду. Теперь тебе понятно, Мэг? Да что с тобой? Ты испугалась все-таки? Ну кто бы мог подумать! Успокойся, присядь, милая! Да ты бела, словно чайка!

Он обнял ее, и она опустилась на стул, силясь улыбнуться.

— Ну, успокойся, — сказал он покровительственным тоном старшего. — Забудь об этом, Мэг. Все позади. Ручаюсь, он к нам больше не придет. Лейтенант сказал, что раз он вор, его передадут полицейским властям, и он непременно получит шесть месяцев тюрьмы за кражу со взломом. Постой, — сказал он вдруг, вглядываясь в переме-

нившееся лицо сестры, — да ты, я вижу, больна. Нужно принять лекарство.

— Мне уже лучше, — сказала она, делая над собой усилие, — должно быть, опять лихорадка привязалась. Вчера меня продуло на Болоте. А что это?

Вскочив, она схватила брата за руку и обернулась к окну. Ставня загремела.

— Крепчает ветер. Когда я шел назад, вроде задул зюйд-вест. Гнал облака по небу. Прими хинину, Мэг. Только не запускай болезнь, не то сляжешь, как мама.

Наверное, от этого вполне естественного в его устах, но грустного напоминания ее темные глаза заволоклись слезами и губы на мгновение задрожали. Но тут же в ее лице снова возобладала решимость, и, глядя, как и прежде, в огонь, она сказала, медленно роняя слова:

— Если я лягу сейчас в постель, к утру само пройдет. Когда начнется отлив?

— Часам к трем, если только зюйд-вест не нагонит воды в Болото. А что тебе?

— Да так, подумала просто, чтобы не угнало наш ялик с причала, — сказала Мэгги, поднимаясь.

— Чем думать о ялике, прими-ка лучше хинину, — сказал Джим, который на правах старшего

брата любил прописывать лечение. Раз ты больна, читать сегодня не будем.

— Спокойной ночи, Джим, — сказала она, вдруг обернувшись к нему.

— Спокойной ночи, Мэг.

Он поцеловал ее покровительственно, со снисходительным видом: жар в ее руках и пылающие губы он отнес за счет необъяснимых странностей женской натуры, с которыми хочешь не хочешь, а надо мириться.

Они расстались. Памятуя о недавнем грабеже, Джим усердно проверял задвижки на окнах и дверях, громко приговаривая при этом, чтобы вселить спокойствие в потревоженное сердце Мэг. Потом он разделся и лег в постель. Он не сразу уснул и слышал, как свежий ветер, крепчая, перешел в штормовой; потом, убаюканный сладкой уверенностью, что ладно построенный, крепко сколоченный дом не более страшится бури, чем корабль, на который он так походил своим видом, Джим забылся сном. Буря ревела в сваях под ним и на галерее вкруг дома, словно в корабельных снастях, и на омываемых волнами палубах. Временами чудилось, будто дом, атакуемый разом снизу, с боков и сверху, взмывает в воздух. Раз или два треск стропил был совсем как

скрип отворяемой двери, как стук шагов; потом стало тише, словно рвавшийся ветер сумел все же силой забраться в дом. А Джим почивал мирным сном, и его разбудило лишь солнце, ослепительно сиявшее на ясном, без единого облачка, синем небесном своде.

Лениво одевшись, он вышел в гостиную и собрался уже, как у них было принято, постучаться к сестре, когда с изумлением увидел, что дверь распахнута, и спальня ее пуста. Он подошел к постели, нетронутой, словно ее и не стелили на ночь, и совсем растерялся, увидев на подушке пришпиленную записку, на которой крупным почерком было написано: «ДЖИМУ».

Торопливо развернув записку, он с изумлением прочитал следующее:

> «Не сердись на меня, милый Джим. Я не сказала тебе, что во всем виновата я одна. Я все знала про дезертира, ведь это я отдала ему твою одежду и вещи; он их не крал. Это случилось, когда тебя вечером не было дома; он постучался, просил ему помочь, он был жалок, на него было страшно глядеть. Я решила, что помогу ему и тем самым отомщу Форту. Не злись

на меня, милый Джим, и не бойся за меня. Я еду туда, чтобы исправить свою ошибку. Чтобы сказать, что он не вор, чтобы сказать, что ты ничего не знал, чтобы принять всю вину на себя. Не беспокойся за меня. Я не боюсь моря и не боюсь бури. Я проскочу дельту, поверну к Индейскому острову, потом прижмусь к берегу у Мыса и — прямо к Логпорту. Милый Джим! Прошу тебя, не злись! Я не могу стерпеть, что подвела тебя и подвела его: ведь его будут судить за кражу. Твоя любящая сестра *Мэгги».*

Со смешанным чувством досады, стыда и вдруг охватившего его страха он выбежал на галерею. Шел прилив, половика Болота была под водой, и бухточка, где он держал свой ялик, уже превратилась в сверкающую водную пустыню. Повсюду царила вода прилива; она обвела торчащие метелки солончаковых трав концентрическими кругами из пены и сора; она же буйно гнала увенчанные белыми гребнями волны по громадному простору залива. Ровный шум бурунов в дальнем устье отдавался в ушах. Но взгляд Джима был прикован к туманной переменчивой полоске на горизонте, которая вдруг у него на глазах дрогну-

ла, побелела от края до края и вновь сделалась призрачно серой. Там лежал океан.

IV

— Не вижу в том ни капельки геройства, — безапелляционно заявила Сесили Престон, дочь начальника гарнизона, отодвигаясь от стола, за которым она только что позавтракала в обществе своего отца, — сперва натворила глупостей, всех переполошила и напугала, а потом, изволите видеть, раскаялась и во искупление грехов поплыла невесть куда, в бурю, в утлой лодчонке. Разумеется, она хороша собой, на ней мужская рубашка и мужская куртка, и вы все без ума. Но зачем на ней тогда сережки, и почему она в белых чулочках и в промокших насквозь туфельках? И эта высокая прическа и мужская шляпа… Вот что хотела бы я знать.

С этими словами младшая дочь полковника Престона поднялась из-за стола, слегка отряхнула подол своего изящного утреннего платья и, презрительно засунув миниатюрные пальчики за пояс на тонкой талии, стала ждать ответа.

— Ты несправедлива к ней, дитя мое, — веско отозвался полковник Престон. — Она действительно накормила дезертира и дала ему одежду, но сделала это, конечно, из жалости к изголодав-

шемуся и иззябшему человеку; не забудем также, что Мак-Кафри хоть кого сумеет провести. А ее решимость рискнуть жизнью, чтобы спасти его от несправедливого приговора и оберечь своего брата от сплетен и насмешек, заслуживает высокой похвалы. Заметь, моральное влияние ее доброго поступка было таково, что даже этот бездельник решил лучше промолчать и пойти в тюрьму, чем выдать ее и доставить ей неприятности.

— Он просто знал, что, если скажет, что ему подарили одежду, никто все равно не поверит, — возразила мисс Сесили, — и моральное влияние тут совершенно ни при чем. Ты говоришь, она рисковала жизнью, но ведь эти болотные жители, как мы знаем, относятся к классу земноводных, что, кстати, видно и по их манере одеваться. Что касается ее доброты, папа, то я хотела бы тебе напомнить, как однажды в этой самой комнате и еще раз потом, давая инструкции мистеру Кальверту, ты сам говорил, что Кульпепперы вполне способны сманивать у нас людей. А сколько причинил тебе хлопот юрист ее дикого брата, когда вы вели переговоры насчет береговой полосы? Ты сам говорил тогда, папа, что из-за таких-то людей и происходят конфликты между местным населением и федеральным правительством.

Полковник счел нужным откашляться. Даже величайшие деятели, как военные, так и гражданские, терпят порой поражения в домашнем кругу.

— Тем более наш долг, — сказал он примирительно, — отнестись критически к слишком резким и неосновательным суждениям. Не давай воли предрассудкам, дитя мое. И не забывай, что она сейчас у нас в гостях.

— Но предпочитает общество миссис Бромли! Я думаю, если вы втроем — ты, мама и еще Эмили, которой, кстати, пора бы узнать, чем, собственно, так пленился мистер Кальверт! — выполните свой долг гостеприимства, я могу остаться в стороне.

Полковник Престон укоризненно покачал головой, но вынужден был отступить и оставить поле боя противнику. Чуть раскрасневшаяся победительница слегка тряхнула белокурыми локонами и, расправив платье, присела к пианино. Капризно полистав ноты, мисс Престон поднялась и подошла к окну.

То, что она увидела, заставило ее разом позабыть обо всем на свете.

Не далее, как в десяти шагах, на чисто выметенном ветрами плацу часовой преградил путь

прекрасному юноше, и тот стоял сейчас в позе, исполненной высокомерного удивления и досады. Фантазерке представилось на миг, что некий лесной бог в облике смертного пожаловал к ним в крепость. Из-под откинутой со лба клеенчатой шляпы вились черные кудри, безбородое лицо было выточенным, как на камее. Синяя вязаная фуфайка под распахнутой курткой обрисовывала идеальную, скульптурно четкую фигуру юноши. Ноги его были упрятаны в высокие, до бедер, рыбацкие сапоги; но поскольку в описываемое время дамы еще не были приучены к мужским фигурам в коротких штанах до колен на крикетном поле и в теннисных брюках на корте, то Сесили Престон, знавшая одну лишь строгую элегантность военного мундира, была восхищена непринужденной грацией незнакомца.

Часовой повторил оклик; незнакомец залился злым румянцем. В этот критический момент Сесили распахнула дверь и выбежала на веранду.

Заметив хорошо знакомую миниатюрную фигурку, часовой отдал честь дочери полковника, указывая ей в то же время взглядом на пришельца. Лесной бог тоже оглянулся и разом стал простым смертным.

— Я пришел за сестрой, — пояснил он смущен-

но, однако с ноткой вызова в голосе, — она где-то здесь.

— Она здесь и в полной безопасности, мистер Кульпеппер, — заявила эта великая лицемерка, ослепительно улыбаясь, — и мы счастливы ее видеть. Мы в восторге от ее мореходного искусства и отваги; какой смелой надо быть, чтобы приплыть сюда, рискуя жизнью ради другого.

— Значит… Значит, вы все знаете… — запинаясь, сказал Джим, испытывая огромное облегчение. — И про то, что она…

— …не сказала вам ничего о своей помощи дезертиру, — мгновенно продолжила его фразу Сесили. — Конечно, мы знаем. Ведь девушки легкомысленны, мистер Кульпеппер. Поверьте, будь я на ее месте, и я поступила бы точно так же; только потом мне, увы, не хватило бы храбрости так искупить вину, как искупила она. Вы должны простить ее, мистер Кульпеппер. Но почему же вы там стоите? Прошу вас, — она отступила на шаг, держа дверь открытой и глядя на него с требовательностью избалованного ребенка, — прямо сюда. Это самый короткий путь. Пожалуйста! — Видя, что он колеблется, оглядывая дом и ее самое, она добавила с притворно застенчивым смешком: — Совсем забыла вам представиться

— вы в доме полковника Престона, а я его дочь.

Так, значит, эта прелестная юная фея, такая милая в обращении, так изящно одетая, — из тех самых офицерских дочек, которых Мэгги осуждала за важничанье и безвкусный наряд. Можно ли вообще верить суждениям Мэгги? В особенности после истории с дезертиром! Джим усомнился в сестре. Все еще борясь со смущением, он по-мальчишески застенчиво встретил опасный взгляд Сесили.

— Значит… моя сестра… у вас?

— Я жду их с минуты на минуту, — любезно улыбнулась юная, но изобретательная дипломатка, — им пора уже быть.

Впрочем, — добавила она, обнаруживая вдруг глубокую душевную проницательность, — вам надо увидеться с нею немедленно. Я отведу вас сама. Одну минутку. — Она, конечно, не упустит случая провести этого великолепного варвара в цепях за своей колесницей. Пусть видят все ее триумф: ее родители, ее сестра, его сестра. Она побежала к себе в комнату, вернулась в очаровательнейшей, чуть сдвинутой набок соломенной шляпке и смиренно подошла к нему. — Они совсем рядом, у майора Бромли, — сказала она, указывая на увитый диким виноградом коттедж

по соседству, — но вы здесь гость, и я боюсь, что вы заблудитесь и пропадете.

Увы, он уже пропал. Стараясь сейчас ступать в ногу с этими волшебными туфельками, невзначай задевая рукою волан на пышных свежеотглаженных юбках, ласково шуршащих подле него, поглядывая сверху на поля обвитой лентами шляпки, а в особенности встречаясь со взглядом затененных шляпкой синих глаз, Джим с ужасом чувствовал, сколь безнадежно он неловок и груб. Как страшен он в своих холщовых промасленных рыбацких штанах и в куртке из синего сукна рядом с этой девушкой, так изящно, со вкусом одетой. Он презирал себя за свой шейный платок, за фуфайку, за сдвинутую на затылок зюйдвестку, за непомерно высокий рост — словом, за все, что приводило в восторг эту девушку. Когда они подошли к коттеджу майора Бромли, Джим был уже настолько пленен прелестной чаровницей и так подчинился ее власти, что, когда мисс Сесили подвела его к группе дам и джентльменов, он едва признал среди них собственную сестру, не понял, что она здесь центр всеобщего восхищения, как не понял и того, что столь любезная сейчас Сесили, собственно говоря, совсем незнакома с его сестрой.

— После всего, что вы оба испытали, он умирает от желания видеть вас; я сразу повела его сюда, — заявила эта маленькая последовательница Макиавелли, встречая с совершенным спокойствием удивленную мину отца и испытующий взгляд сестры; а Мэгги, полная благодарных чувств и гордая за своего красавца брата, сердечно ответила на ее приветствие и не придала значения рассеянности Джима. Мужчины замялись было при виде этого загорелого Адониса, но тут выступил Кальверт, не отходивший ни на шаг от Мэгги, и преспокойно поздоровался с Джимом, как со старым другом и желанным гостем. С той подкупающей прямотой, которая была свойственна и ему и сестре и обеспечивала бы им почет в любом обществе, Джим рассказал, как, прочитав письмо Мэгги и боясь, что течение унесет ее в океан, он форсировал дельту вплавь, добрался до острова, а оттуда в индейском каноэ проделал по бурному морю тот же путь, что и она. Сесили слушала его, затаив дыхание, и старалась показать всем своим видом, что иного от него и не ждала.

— Если бы она его не опередила, он приплыл бы сюда и сам, — шепнула она своей сестре Эмили.

— Он гораздо красивее сестры, — ответствовала

эта юная леди.

— Еще бы! — сказала Сесили. — И, заметь, она ему во всем подражает…

Этот тайный обмен мнениями не помешал обеим сестрам наперебой с молодыми офицерами ухаживать за Мэгги и вдобавок в укор тем же офицерам открыто восхвалять красоту Джима.

— Он так силен и изящен потому, что всегда в движении, всегда на лоне природы, — сказала Эмилп, саркастически поглядывая на затянутого в рюмочку Кальверта.

— К тому ж не пьет, не полуночничает, — подхватила Сесили. — Его сестра сказала мне, что в десять вечера они уже спят; и хотя у них остался от отца запас старого виски, Джим почти не прикоснулся к нему.

— Вот в чем наше спасение! — торжественно заключил капитан Керби. — Если Кальверт после этого не подружится с молодым Кульпеппером и не выманит у него весь запас виски, значит, я не знаю Кальверта.

И действительно, Кальверта было не узнать. Все три или четыре дня, что гости по настоянию полковника Престона провели в Форте, Кальверт не прикоснулся к спиртному; он не играл по вечерам в покер и даже отговаривал других офи-

церов, утверждая, что их долг— развлекать дам. Смелый поступок Мэгги стал широко известен, и полковник Престон, будучи тонким политиком, пригласил в Форт по этому случаю кое — кого из обитателей Логпорта для общей дружеской встречи. Так Мэгги положила начало мирным отношениям армии с местным населением. Более того, прославившись как заступница за простых солдат, она способствовала поднятию воинского духа в самой армии. Трудно сказать, какие именно небылицы плел о ней Деннис МакКафри, отделавшийся, кстати сказать, легчайшим дисциплинарным взысканием, но называл он ее не иначе, как «царица Дедлоуских болот. Солдаты боготворили Мэгги, и в последний вечер перед ее отъездом полковые музыканты покорнейше испросили разрешения устроить в ее честь прощальный концерт.

Наконец, провожаемые офицерами вплоть до самой пристани, получив тысячу приглашений, дав тысячу согласий, обменявшись заверениями в вечной дружбе и бесчисленными рукопожатиями, Мэгги и Джим пустились в обратное плавание. По пути они были молчаливы, словно сговорившись, ни словом не касались полученных приглашений и только вспоминали своих

хозяев. Ко времени, когда ялик вошел в их бухту, они совсем поддались той неясной грусти, которая так часто у молодых людей идет вслед за шумными радостями. И только после того, как, завершив скромный ужин, оба тихо уселись у огня, Джим бросил нерешительный взор на строгое, задумчивое лицо сестры.

— Ты помнишь, Мэг, мы говорили, что неплохо бы продать часть земли и поселиться в Логпорте?

Мэгги подняла на него глаза.

— Тот разговор? — тихо спросила она.

— Да.

— К чему ты его вспомнил?

— К тому, — сказал Джим, преодолевая смущение, — что можно так и сделать. Я согласен.

Поскольку сестра ничего не возразила, он продолжал все так же смущенно:

— Мисс Престон сказала, что возле Форта есть славный домик; мы можем там жить, пока не построимся сами…

— Значит, ты говорил с ней об этом?

— Ну да… говорил… К чему ты клонишь, Мэг? Ведь ты сама все это придумала!

Он поднял на нее недоуменный и негодующий взгляд. Они сидели вдвоем в обычной вечерней

позе, подобные профильным изображениям на ассирийском фризе, но схожие между собой еще сильнее ассирийских ликов.

— Ты прав, милый Джим! Но уверен ли ты, что нам следует так поступить? — спросила она тревожно и печально.

От столь разительного примера женского непостоянства и женской непоследовательности Джим на минуту просто остолбенел. Потом он вскочил с места, обиженный и многоречивый. Что Мэгги хочет этим сказать? Он совсем перестает понимать женщин! Уж не задалась ли она целью идти ему во всем наперекор, чтобы окончательно сбить его с толку? Значит, после всего, что она ему наговорила в тот вечер, после того, как они чуть не поссорились, после того, как ему пришлось прочитать ей эту дурацкую историю про Иаиль и Сисару — и все попусту! — после того, как по её же милости он разболтал всем офицерам об их планах переезда, после того, как она сама — он лично слышал это — то же самое сказала Кальверту, теперь, извольте видеть, она его спрашивает, следует ли им так поступить!

Он сперва уставился на пол, потом воззрился вверх, на потолок, словно искал поддержки и сочувствия у задымленных балок.

Между тем вызвавшая всю эту бурю девушка продолжала грустно глядеть в огонь. Потом, не поворачивая головы, она подняла красивую руку и, обняв брата за шею, притянула его поближе к себе, пока они оба, прижавшись щека к щеке, не стали походить на парный портрет в медальоне. Обращаясь, как видно, к огню в печке, она спросила:

— Ты находишь ее красивой, Джим?

— Кого? — спросил Джим, хотя румянец, вспыхнувший на его лице, уже служил ответом.

— Ты знаешь. Она тебе нравится?

Джим невнятно пробормотал, обращаясь к огню, что она «недурна собой» и одета «отлично».

— Знаешь, Мэг, — добавил он покровительственно, — и тебе не худо было бы завести такие платья, как у нее.

— Все равно я не стану такой, как она, — грустно ответила Мэгги.

— Ты так думаешь? — возразил Джим любезно, но с ноткой безнадежности в голосе. Помолчав, он добавил не без хитрости: — Если я не ошибаюсь, еще кому-то приглянулась там одна девушка…

Но она ничего не сообщила ему на сей счет. Разочарованный, он спросил еще более лукаво:

— А тебе он понравился, Мэг?

— Он вел себя как джентльмен, — спокойно ответила она.

Оторвав взгляд от огня, Джим поглядел на сестру. Ее щека, прижатая к его щеке, была прохладной, как вечерний ветер, веявший сквозь открытую дверь, и выражение лица было мирным и тихим, как звезды в ночи.

V

Целый год каждодневно прилив и отлив сменяли друг друга на Дедлоуском болоте, но из гнезда Зимородка на них взирали одни лишь слепые, забитые ставнями окна. Когда молодые птенцы улетели в Лог- порт, то и служившие им индейцы покинули свайное жилище и вернулись к кочевой жизни в «кустах». Весенняя большая волна прибыла с традиционным визитом на кладбище морских обломков и, как видно, сочтя на сей раз обломком крушения и старый, покинутый дом, оставила несколько погребальных приношений на почерневших сваях, раскинула перед домом гирлянду из сероватого плавучего мусора и, всхлипывая, откатилась прочь, в болотные травы.

По временам к обитателям нагорья приходили вести о жизни Кульпепперов в Логпорте, и те, кто знал ранее сестру и брата по рассказам, теперь качали головами, дивясь их расточительству и сумасбродству, о которых тоже знали лишь по слухам. Но в серую предутреннюю пору, в час, когда волна прилива сменяет уходящую волну, пернатые жильцы Дедлоуского болота зловеще

пророчествовали о горькой судьбе своих прежних хозяев и предавались ужасным стенаниям и необузданным жалобам. Не знаю, то ли птичка из поговорки принесла на хвосте тайные вести своим крылатым друзьям, то ли дело тут в пессимизме всей птичьей породы, но голоса Болота в эти ранние часы были исполнены горя и отчаяния. Обращая свой вопль к компании смешливых куликов на плавучем бревне, безутешная ржанка оплакивала богатство, потраченное Джимом на карты и пьяный разгул. Ворчливый журавль, вытянув длинную шею, решительно возражал против близкой продажи его любимейших убежищ на песчаной косе; после шестимесячных кутежей Джиму иного не оставалось, как продать эти земли. А сумрачный кроншнеп, предварив свою речь уверением, что всегда того ждал, теперь повторял свой унылый рассказ, как видели Джима, когда он нетвердой походкой, с распухшим от пьянства лицом брел домой с офицерской пирушки. Эта же мрачная птица каким-то путем прознала, что Мэгги льет слезы, горюя об участи брата, что глазки ее запали от бессонных ночей, когда она ждет — поджидает его с попойки. А стайка болтливых чирков горланила вовсю, без стеснения о сплетнях, злословии, о завистливой

клевете, которые шли по пятам за Мэгги с самого начала ее светской жизни. А черная казарка, горестно всхлипнув, твердила собратьям, что бедная девушка, быстро поняв, как мало подходит она к этой жизни — дикая, бесхитростная, необразованная, — не раз провожала тоскующим взором их стаю, когда они вечером высоко в небе летели домой. Казалось, настал тот предопределенный день и час, когда привычные смутные жалобы Болота обрели наконец оправдание и смысл. И в этот самый час, когда гаснет день и отступает вода и тьма в который уже раз овладевает Болотом, крохотный ялик тихо скользил по извилистой протоке, припадая временами к берегу, словно подбитая птица. Чем глубже заплывал он в Болото, тем яснее становилось, что движется он без какой- либо цели и что человек на веслах не столько стремится куда-то приплыть, сколько остаться невидимым. Подгребя наконец к поросшей камышом отмели, неизвестный поднялся, сутулясь, и вытащил из-под ног лежавшее на дне лодки ружье. Свет упал ему прямо в лицо; то был Джим Кульпеппер. Джим Кульпеппер! Как признать его в этом опустившемся человеке с распухшим лицом, налитыми кровью глазами, с трясущимися руками? Джим Кульпеппер!

Прежним остался лишь страстный взгляд, исполненный неколебимой решимости! Он решил покончить с собой, застрелиться, чтобы его нашли мертвым, как когда-то отца, плывущим в челноке по болотной протоке.

Это не было внезапной игрой фантазии. Эту мысль подсказал ему в пьяной перепалке посмеявшийся над ним грубый собутыльник, и Джим тотчас сбил обидчика с ног. Но с того самого дня, пробуждаясь от пьяного забытья в тоске и раскаянии, он не мог уже думать ни о чем ином. Он умрет и избавит от горя любимую сестру, искупит свою вину перед ней. И еще — так казалось злосчастному юноше — отомстит бездушной кокетке, которая год уже дразнит его и гонит искать забвения в вине и в картах. Сегодня утром полковник Престон отказал ему от дома; сейчас он разом покончит со всем. Он поднял искаженное страданием лицо, чтобы проститься с природой полуиспуганным, трепетным взглядом, когда последний луч в закатном небе открыл перед ним его старый дом; он подплыл к нему, сам не зная того, следуя извивам протоки. Вглядевшись, Джим вздрогнул и невольно присел, охваченный вдруг суеверным страхом. Забитые окна старого дома были распахнуты, на стеклах играли отблес-

ки заката; на галерее, как в старое время, стояла его сестра, поджидая его домой. Он, должно быть, лишился рассудка; или в смертный час ему даровано это прощальное видение юности?

Не прошло и минуты, как явление новой фигуры подтвердило ему, что он в здравом уме, и тотчас отвлекло его мысли от всего прочего. С нагорья к дому скакал всадник; он узнал его издалека; то был Кальверт! Предатель Кальверт! Джим давно уже заподозрил, что Кальверт был тайным возлюбленным Сесили Престон и готовился стать ее мужем. Невозмутимый, расчетливый Кальверт, пытавшийся скрыть свой сговор с Сесили притворным ухаживанием за Мэгги. Что ему надобно здесь? Или он замыслил двойную измену и решил обмануть ее, как уже обманул его? И Мэгги ждет его. Так вот почему она здесь, ждет его на свидание. Какой позор!

Он не сразу пришел в себя. Потом безотчетным движением опустил лицо в тихо струящуюся воду и поднялся обновленный, с прояснившейся головой. Полубезумная мысль о самоубийстве отступила; ее сменила новая отчаянная решимость. Так вот для чего он вернулся сюда, вот для чего захватил ружье, вот для чего приплыл к дому!

Он лег на дно челнока и стал отрывать от

зыбкого берега крупные комья земли, пока не заполнил ими суденышко и не погрузил его в воду почти по самые борта. Потом, загребая руками, как веслами, он бесшумно угнал его с открытого места, словно плавучее бревно, и укрыл за грядою кустарника. Быстро оглядев черневшую низину, он схватил ружье, выбрался на оседавший под ногой берег и, пригнувшись, а кое — где и ползком стал пробираться сквозь камыш и болотные травы вперед по направлению к «кустам». Всякий другой, незнакомый, как он, с Болотом, конечно, ушел бы по плечи в черную жижу. Справа в зарослях затрещали сухие сучья под конским копытом. Значит, Кальверт оставил коня, привязал его к крайней ольхе.

Подойдя к дому, он не стал подниматься по скрипучим ступеням, а обежал кругом и по сваям, поддерживавшим заднюю часть галереи, бесшумно забрался наверх. Этим самым путем год назад взбирался и дезертир, и, подобно ему, Джим увидел теперь и услышал все, что происходило на галерее и в комнате. Кальверт стоял у распахнутой двери, как бы прощаясь. Мэгги стояла напротив, заслоняя шедший из комнаты свет; лицо ее оставалось в тени, крепко стиснутые руки она спрятала за спиной. А вокруг, во всем, как и в

них самих, была печаль угасшего дня и глубокая сердечная скорбь. Непонятная дрожь охватила Джеймса Кульпеппера, его яростная решимость пропала, и влага затуманила ему глаза.

— Если я скажу вам, почему так уверен, что все это пройдет и ваш брат станет прежним, — сказал Кальверт грустно, но с обычным спокойствием речи, — то открою тем самым и долю того, о чем вы приказываете мне молчать. Когда я впервые увидел вас, то и сам вел беспутную жизнь, еще менее простительную для меня, ибо я был уже искушен и знал цену порока. Когда я лучше узнал вас и подпал под влияние вашего здорового, ясного, чистого взгляда на жизнь, когда я увидел, что одиночество, однообразие дней, людское недоверие, даже тяжкое чувство, что ты достоин иной, лучшей жизни, — все это можно побороть, победить в душе без жалких мечтаний, без недостойных забав, я полюбил вас — умоляю, услышьте меня, мисс Кульпеппер, — и вы спасли меня от гибели, меня, человека, ничего для вас не значащего, так же как спасете теперь — я глубоко в это верю — своего собственного брата, которого любите так преданно.

— Но ведь я погубила его, — возразила она с горечью. — Чтобы спастись от однообразия на-

ших дней, от *нашего* одиночества, я заставила его искать этих недостойных забав, отдаться жалким — вы правы! — жалким мечтаниям.

— Нет, не вы тому виной, не такова ваша природа, — сказал он тихо.

— Моя природа! — вскричала она отчаянно, почти бешено, и в том был, казалось, отклик на нежность, прозвучавшую в его словах. — Моя природа! Что знаете вы о ней, что знает он?! Моя природа! Я скажу вам, чего требовала моя природа, — страстно продолжала она. — Отомстить вам всем за жестокость, за подлость и зло, причиненное мне и моим близким в прошлом и теперь. Расплатиться сполна за оклеветанного отца, за ту ночь, что мы с Джимом провели на Болоте одни у его мертвого тела. Вот что гнало меня в Логпорт… желание поквитаться с вами… подразнить вас всех и… да… одурачить. Вот, вы знаете все. И что же теперь, когда бог покарал меня за мой замысел, погубив моего брата, вы хотите, чтобы я… чтобы я позволила вам погубить и меня?

— Нет, — пылко сказал он, подавшись вперед, — вы жестоки ко мне… И еще более жестоки к себе.

— Ни шагу! — приказала она, отступая и по — прежнему пряча крепко стиснутые руки

за спиной. — Стойте на месте. Вот так! — Она выпрямилась и уронила руки. — Поговорим о Джиме, — сказала она холодно.

Он глядел на нее, словно не слышал ее слов, и во взгляде его была грусть и безнадежность.

— Зачем вы внушили моему брату, будто вы влюблены в Сесили Престон?.. — нетерпеливо спросила она.

— Иначе мне пришлось бы признаться ему в безнадежной страсти к его сестре. Вы горды, мисс Кульпеппер, — добавил он, и в его голосе впервые послышалась горечь. — Почему вы отказываете в гордости другим?

— Нет, — коротко возразила она. — Это не гордость, а малодушие. Вы могли сказать ему правду. Сказать, что нет и не будет ничего общего между семейством этой девушки и такими дикарями по природе и по привычкам, как мы, что между нами пропасть такая же бескрайняя и черная, как это Болото; а если они, ища забавы, придут однажды к нам, как приходит прилив, Болото не отпустит их назад, поглотит их навсегда. А если бы Джим не поверил вам, вы могли рассказать ему о себе. Сказать ему все то, что сказали мне. Что вы, офицер и светский человек, вообразили вдруг, что любите меня — необузданную и тем-

ную дикарку, и я, не столь беспощадная к вам, как вы ко мне и к Джиму, отвергла ваши признания, чтобы не связать вас навеки с собой и не увлечь в Болото.

— Вы могли не говорить этого, мисс Кульпеппер, — сказал Кальверт все с той же тихой улыбкой, — я и так знаю, что ниже вас во всем, кроме одного…

— Кроме чего? — быстро спросила она.

— Моей любви.

Сейчас его лицо напряглось и застыло, как у нее; он медленно повернулся к двери, потом остановился.

— Вы хотите, чтобы я говорил о Джиме и ни о чем больше. Так вот, послушайте. Я думаю, мисс Престон любит его в той мере, в какой любовь вообще доступна ее юной ветреной натуре. Так что, лишая его надежды, я обманул бы его, а обман всегда жесток, толкает ли нас к нему любовь, или то, что мы зовем рассудком. Если мои слова могут спасти его, молю вас, будьте милосерднее к нему, чем были ко мне и — смею ли сказать? — к себе самой.

Все еще держа кепи в руке, он медленно перешагнул порог.

— Я уезжаю завтра в бессрочный отпуск и,

наверное, никогда более не встречу вас. Потому не поймите меня превратно, если я повторю вам то, что твердят все ваши друзья в Логпорте. Они просят вас еще подумать, вернуться к ним, не оставаться здесь. Они любят вас и ценят вас, поверьте, невзирая на вашу гордость, или нет, вернее сказать, благодаря вашей гордости. Доброй ночи и до свидания.

Обернув застывшее лицо к окну, она сделала легкое внезапное движение, словно хотела вернуть его, но дверь напротив скрипнула, и в комнату неслышным шагом вошел ее брат. Мелькнуло ли у нее воспоминание о дезертире, который год тому назад вошел в эту самую дверь, или что-то в тот миг странным образом поразило ее в заляпанной грязью одежде и в несмелой, молящей улыбке брата, или то был отблеск отчаянной борьбы в ее душе, но едва он взглянул ей в глаза, как улыбка его погасла и, моля о прощении, испуганный, он рухнул к ее ногам. Суровость ее пропала, она обняла его, и слезы их смешались…

— Я все слышал, милая Мэг! До единого слова! Прости меня! Я был безумен… Не ведал, что творю… Но я исправлюсь… Я стану лучше! Ты не будешь краснеть за меня. Никогда! Я клянусь!

Склонившись, она поцеловала его. Еще минута,

и несмелая мальчишеская улыбка заиграла на его лице.

— Ты слышала, что он сказал о ней, Мэг? Ты думаешь, это правда?

Улыбнувшись грустной, почти материнской улыбкой, она пригладила влажные кудри, упавшие ему на лоб, но ничего не сказала.

— И еще, милая Мэг, не кажется ли тебе, что ты была… самую малость… суровой с ним? О, нет, ради бога, не гляди на меня так! Я сказал, не подумав. Тебе лучше знать… Подними головку, милая Мэг. Прислушайся, Мэг! Ты помнишь?

Оба подняли взор, и перед ними за распахнутой дверью открылась смутная даль. Казалось, рожденные гаснущим днем, готовые стихнуть, умереть вместе с ним, над рекой и Болотом донеслись прощальные звуки игравшей в Форте трубы.

— А ну, вспомни, как ты любила напевать, Мэг! — Ничто в ее взгляде более не пугало его.

— Да, — улыбнулась она, нежно прижавшись к его щеке холодной щекой. — О да! Это было, и это ушло. «Словно песня»… Да… «Словно песня».